

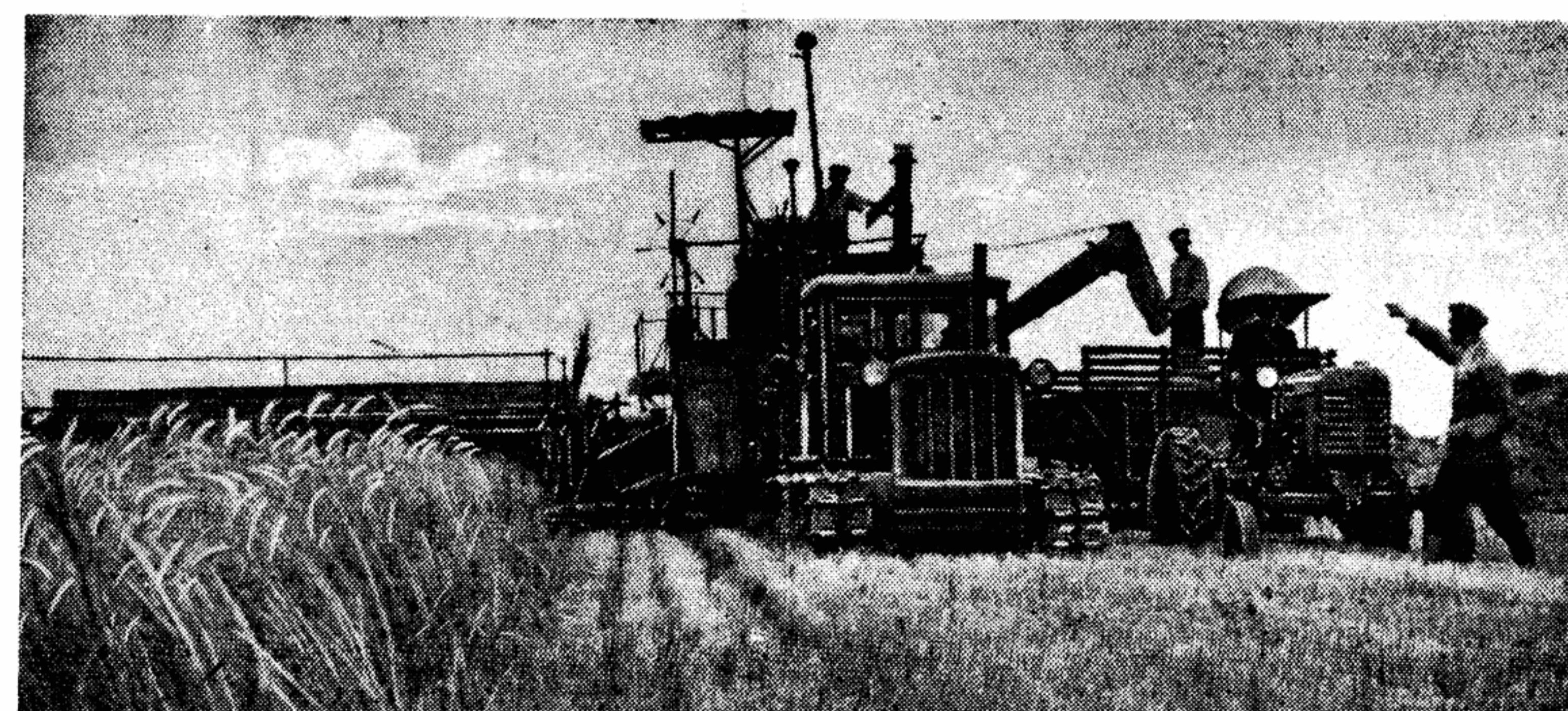
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 83 (3894)

Суббота, 12 июля 1958 г.

Цена 40 коп.

ЖАТВА

БОЛЬШОЙ урожай вырастили в этом году хлеборобы Кубани. Во многих районах — Ново-Титаровском, Пластуновском, Старо-Минском, Тбилисском и других — намолачивают с гектара по 30 и больше центнеров пшеницы.

Косовина в самом разгаре. Уже убрано более 45 процентов колосовых. Первые миллионы пудов ссыпаны в государственные закрома. По асфальтовым трактам края круглые сутки мчатся колонны автомашин. До утра не гаснут яркие огни на токах. Жизнь из станиц и хуторов переместилась на полевые ставы.

Хлеборобы в уборочной страде нам рассказали секретарь Ново-Титаровского райкома партии Алексей Емельянович Путинцев, человек с красивым бронзовым лицом, с кустистыми белесыми бровями и яркими синими глазами.

Он говорил о том, как в прошлом году собрали «на курагу» по 20 центнеров с гектара, а в этом году будут все тридцать центнеров. Несмотря на дожди, за неделю в районе убрали более сорока тысяч тракторов ячменя и озимой пшеницы. Но ячмень после косовицы посыпал кукурузу. В октябре будет получено зерно и зеленая масса на силос.

Соревнование со штатом Айова хлеборобы района взялись в этом году на каждые сто гектаров сельскохозяйственных угодий получить по 105 центнеров мяса и 240 центнеров молока.

Поэтому в крае продал государству хлеба больше, чем намечалось планом, Красногвардейский район Адыгеи. Более двух миллионов пудов зерна вывезли на элеваторы колхозов Ново-Титаровского района.

Колхозники и механизаторы стремятся убрать урожай дружно, без потер.

Вот один из показательных подвигов колхозников. Братья Дмитрий и Алексей Сундевы в колхозе имени Сталина Усть-Лабинского района на лафетной жатке убрали за сутки 78 гектаров озимой пшеницы.

На жатве много нового. Тут и работа без МТС —

техника вся в колхозах, и почты полная разделенная косовина. В прошлом году на Кубани разделенная уборка была хотя и не повсеместной, но она помогла сберечь миллионы пудов хлеба. Немало и трудностей: погодные дни чередуются с ливнями, местами дожди и ветры повалили пшеницу, в ряде колхозов не хватает автомашин, они простояют без покрышки...

Думаем, — говорит Путинцев, — продать государству 40 тысяч тонн зерна, чтобы купить комбикорма. Кроме того, продадим еще примерно 30 тысяч тонн пшеницы.

Прекрасно работает Сочинская автомолонна. Шоферы возят зерно без сопровождающих, сами расписываются в квитанциях, сами сдают. Это тоже новое.

Как колхозы используют технику? Было у нас в районе пять МТС. Остались две РТС. Все машины работают на полную мощность.

Мне пришло письмо на полевом стане четвертой бригады колхоза имени Ленина Ново-Титаровского района. Только что отшумел дождь. Тяжелые сизые тучи еще неслись над золотыми полями. Но вот выглянуло солнце, и, пока сохли на

стernes вальки, механизаторы тщательно, еще раз осмотрели машины и сразу же пустили их в ход. Тракторист Иван Подобин говорит:

— Хлеб — наша сила. Работаем всего недели, а уж комбайнеры намолотят по 600—700 тонн зерна.

Мы теперь большие занимаемся коммерцией, к нам поступают новые машины, мы их рекламируем и продаем.

Владел своей техникой, колхозники умело применяют ее на самых различных работах.

Колхоз имени Ленина, например, приобрел у МТС 78 тракторов, комбайны, притяжные орудия, а в придачу еще и ее усадьбы. Теперь по ходу дела оказалось, что не хватает все-таки тракторов, автомашин, мало самоходных комбайнов.

Состояние, в котором находится наша критика, — это форма проявления ее общественной активности. Критика, стремящаяся вмешаться в развитие литературного процесса, воздевшая над крыльями, не может удовлетворить никого — ни читателей, ни литераторов. Да, критика, действительно, все еще отстает. Она отстает от жизни общества, отстает и от развития литературы. Большинство причин, вызывающих отставание критики, связано с недостатками в работе самих критиков — недостатками, о которых надо говорить прямо и сурово, чтобы справиться с ними, чтобы ликвидировать их.

В этой статье хочется остановиться на двух существенных слабостях, мешающих плодотворному развитию творчества критиков. Эти две помехи: недостаточная публицистичность критики и недостаточная забота о художественном выражении критических произведений.

Итак, сначала о публицистичности.

Как известно, одной из характерных черт литературы социалистического реализма является ее открыта тенденциозность. Это значит, что открыто тенденциозной, публицистичной должна быть и критика.

Было бы нелепо полагать, что у нас нет критиков, в творчестве которых звучит боевая публицистическая нота. Читатель знает и давно полюбил целый ряд критиков, в работах которых удачно сочетаются серьезные знания, художественный вкус и публицистический темперамент. И все же наша литературная критика в большей своей части лишена, к сожалению, публицистической остроты.

В журналах еще нередко встречаются вялые по тону, аннотационные по характеру статьи, особенно рецензии. Соединение пространных пересказов с беспыльными оценками не радует читателя. Читатель ждет, чтобы критика его духовно обогащала, он хочет загореться мыслями критика, увлечься ими или вступить с ними в спор. Его не устраивают бесстрастные

рассуждения.

Вопрос о публицистичности критики — это вопрос о связи критика с жизнью, о широте ее общественного дыхания, о ее гражданском пафосе. По-настоящему публицистической оказывается такая критика, которая смотрит на явления литературы с высоты жизненных интересов, которая движима коммунистической идеей.

К РАЗГОВОРУ при соединился директор одной из РТС, Яков Сергеевич Беспалов. Он сказал:

— Люди работают спокойно, уверенно, без аварий. РТС снабжает кол-

хозы пшеницей, комбайнерами.

Фото А. ЛЯПИНА

В ПРЕДСЪЕЗДОВСКИХ творческих дискуссиях вопросы литературной критики должны занять немалое место.

Некоторые проблемы, связанные с состоянием и задачами критики, уже затронула в «Предсъездовской трибуне» «Литературной газеты» (№ 63) Б. Брайнина. Нет нужны повторять ее аргументы, — они представляются верными. Однако в ее статье задачи организационные выступили на первый план по сравнению с задачами творческими.

Состояние, в котором находится наша критика (буду говорить только о русской критике), не может удовлетворить никого — ни читателей, ни литераторов.

Да, критика, действительно, все еще отстает. Она отстает от жизни общества, отстает и от развития литературы. Большинство причин, вызывающих отставание критики, связано с недостатками в работе самих критиков — недостатками, о которых надо говорить прямо и сурово, чтобы справиться с ними, чтобы ликвидировать их.

В этой статье хочется остановиться на двух существенных слабостях, мешающих плодотворному развитию творчества критиков. Эти две помехи: недостаточная публицистичность критики и недостаточная забота о художественном выражении критических произведений.

Итак, сначала о публицистичности.

Как известно, одной из характерных черт литературы социалистического реализма является ее открыта тенденциозность. Это значит, что открыто тенденциозной, публицистичной должна быть и критика.

Было бы нелепо полагать, что у нас нет критиков, в творчестве которых звучит боевая публицистическая нота. Читатель знает и давно полюбил целый ряд критиков, в работах которых удачно сочетаются серьезные знания, художественный вкус и публицистический темперамент. И все же наша литературная критика в большей своей части лишена, к сожалению, публицистической остроты.

В журналах еще нередко встречаются вялые по тону, аннотационные по характеру статьи, особенно рецензии. Соединение пространных пересказов с беспыльными оценками не радует читателя. Читатель ждет, чтобы критика его духовно обогащала, он хочет загореться мыслями критика, увлечься ими или вступить с ними в спор. Его не устраивают бесстрастные

рассуждения.

Вопрос о публицистичности критики — это вопрос о связи критика с жизнью, о широте ее общественного дыхания, о ее гражданском пафосе. По-настоящему публицистической оказывается такая критика, которая смотрит на явления литературы с высоты жизненных интересов, которая движима коммунистической идеей.

В СТАНИЦАХ можно услышать множество различных новостей. Всюду, например, говорят о переходе с трудодней на оплату труда.

У мастеров Кубани есть чему поучиться сего дня, в дни косовицы. Они дорожат каждым часом, каждым минутой.

Как колхозы используют технику? Было у нас в районе пять МТС. Остались две РТС. Все машины работают на полную мощность.

На снимках комбайнеры Кировского района Краснодарского края Г. Запц и колхозники Ставропольского района убирают зерновые прицепным комбайном.

Фото А. ЛЯПИНА

ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА

Публицистичность и мастерство критики

нностью, проникнута духом борьбы за торжество наших идеалов. Такая критика помогает писателю утвердиться на позициях жизни, умеет найти и поддержать новаторское в литературе, выявленное перед литератором и обществом новые задачи, беспощадно борясь со всем гнилым и вредным.

ПУБЛИЦИСТИЧНОСТЬ критики — это форма проявления ее общественной активности. Критика, стремящаяся вмешаться в развитие литературного процесса, воздевшая над крыльями, не может быть публицистической. И наоборот, когда критика отходит от горячей общественной борьбы, когда критика уклоняется в сторону «академизма», она тотчас же лишается публицистического пафоса, становится бледной и анемичной, обращенной к явлениям второстепенного и малозначительного. В этом случае критика неизбежно отстает от жизни, обходит ее важнейшие интересы, не решает передовых идейных задач. Еще недавно мы видели разительный пример такого отставания критики от жизни, видели его в том, с какими запоздалыми литературными произведениями насторожил публицистическую трибуну Б. Брайнина. Разве их произведения не дают возможности остановиться на таких важнейших проблемах, как проблемы очерка, социально-психологической повести, рассказа? Где статьи о последних поэмах и стихотворениях Владимира Лугового — поэта, с неизданный силой раскрывшегося перед нами в последние годы его жизни? Где оценка огромного и замечательного вклада Ильи Сельвинского в культуру русской тихой драматургии? Где анализ многолетней работы папки талантливых кинодраматургов — А. Довженко, С. Герасимова, Е. Григоровича, А. Попова и других? Эти и многие другие «обойденные» темы требуют заинтересованного критического разговора. А разве, например, чудесный рассказ В. Закруткина «Подсолнух» не является основанием для широкой публицистической оценки? Где анализ многочисленных произведений литературы, направленных на разоблачение гнилых ревизионистских «теорий». Однака в этой области наша критика еще далеко не выполнила своего долга. Читатель ждет от критиков большой творческой активности, большей боевитости, большей настойчивости.

ПУБЛИЦИСТИЧНОСТЬ критики — это форма проявления ее общественной активности. Критика, стремящаяся вмешаться в развитие литературного процесса, воздевшая над крыльями, не может быть публицистической. И наоборот, когда критика отходит от горячей общественной борьбы, когда критика уклоняется в сторону «академизма», она тотчас же лишается публицистического пафоса, становится бледной и анемичной, обращенной к явлениям второстепенного и малозначительного. В этом случае критика неизбежно отстает от жизни, обходит ее важнейшие интересы, не решает передовых идейных задач. Еще недавно мы видели разительный пример такого отставания критики от жизни, видели его в том, с какими запоздалыми литературными произведениями насторожил публицистическую трибуну Б. Брайнина. Разве их произведения не дают возможности остановиться на таких важнейших проблемах, как проблемы очерка, социально-психологической повести, рассказа? Где статьи о последних поэмах и стихотворениях Владимира Лугового — поэта, с неизданный силой раскрывшегося перед нами в последние годы его жизни? Где оценка огромного и замечательного вклада Ильи Сельвинского в культуру русской тихой драматургии? Где анализ многолетней работы папки талантливых кинодраматургов — А. Довженко, С. Герасимова, Е. Григоровича, А. Попова и других? Эти и многие другие «обойденные» темы требуют заинтересованного критического разговора. А разве, например, чудесный рассказ В. Закруткина «Подсолнух» не является основанием для широкой публицистической оценки? Где анализ многочисленных произведений литературы, направленных на разоблачение гнилых ревизионистских «теорий». Однака в этой области наша критика еще далеко не выполнила своего долга. Читатель ждет от критиков большой творческой активности, большей боевитости, большей настойчивости.

ПУБЛИЦИСТИЧНОСТЬ критики — это форма проявления ее общественной активности. Критика, стремящаяся вмешаться в развитие литературного процесса, воздевшая над крыльями, не может быть публицистической. И наоборот, когда критика отходит от горячей общественной борьбы, когда критика уклоняется в сторону «академизма», она тотчас же лишается публицистического пафоса, становится бледной и анемичной, обращенной к явлениям второстепенного и малозначительного. В этом случае критика неизбежно отстает от жизни, обходит ее важнейшие интересы, не решает передовых идейных задач. Еще недавно мы видели разительный пример такого отставания критики от жизни, видели его в том, с какими запоздалыми литературными произведениями насторожил публицистическую трибуну Б. Брайнина. Разве их произведения не дают возможности остановиться на таких важнейших проблемах, как проблемы очерка, социально-психологической повести, рассказа? Где статьи о последних поэмах и стихотворениях Владимира Лугового — поэта, с неизданный силой раскрывшегося перед нами в последние годы его жизни? Где оценка огромного и замечательного вклада Ильи Сельвинского в культуру русской тихой драматургии? Где анализ многолетней работы папки талантливых кинодраматургов — А. Довженко, С. Герасимова, Е. Григоровича, А. Попова и других? Эти и многие другие «обойденные» темы требуют заинтересованного критического разговора. А разве, например, чудесный рассказ В. Закруткина «Подсолнух» не является основанием для широкой публицистической оценки? Где анализ многочисленных произведений литературы, направленных на разоблачение гнилых ревизионистских «теорий». Однака в этой области наша критика еще далеко не выполнила своего долга. Читатель ждет от критиков большой творческой активности, большей боевитости, большей настойчивости.

ПУБЛИЦИСТИЧНОСТЬ критики — это форма проявления ее общественной активности. Критика, стремящаяся вмешаться в развитие литературного процесса, воздевшая над крыльями, не может быть публицистической. И наоборот, когда критика отходит от горячей общественной борьбы, когда критика уклоняется в сторону «академизма», она тотчас же лишается публицистического пафоса, становится бледной и анемичной, обращенной к явлениям второстепенного и малозначительного. В этом случае критика неизбежно отстает от жизни, обходит ее важнейшие интересы, не решает передовых идейных задач. Еще недавно мы видели разительный пример такого отставания критики от жизни, видели его в том, с какими запоздалыми литературными произведениями насторожил публицистическую трибуну Б. Брайнина. Разве их произведения не дают возможности остановиться на таких важнейших проблемах, как проблемы очерка, социально-психологической повести, рассказа? Где статьи о последних поэмах и стихотворениях Владимира Лугового — поэта, с неизданный силой раскрывшегося перед нами в последние годы его жизни? Где оценка огромного и замечательного вклада Ильи Сельвинского в культуру русской тихой драматургии? Где анализ многолетней работы папки талантливых кинодраматургов — А. Довженко, С. Герасимова, Е. Григоровича, А. Попова и других? Эти и многие другие «обойденные» темы требуют заинтересованного критического разговора. А разве, например, чудесный рассказ В. Закруткина «Подсолнух» не является основанием для широкой публицистической оценки? Где анализ многочисленных произведений литературы, направленных на разоблачение гнилых ревизионистских «теорий». Однака в этой области наша критика еще далеко не выполнила своего долга. Читатель ждет от критиков большой творческой активности, большей боевитости, большей настойчивости.

О ЖАНРЕ ИЛИ О ТЕМЕ?

ТРУДНО представить себе, какие другие произведения имеют более массовыми и «разного» читателями — приключенческими и научно-фантастическими книгами увлекаются буквально миллионы! Едва ли есть другой тип литературы, который пользовался бы таким вниманием молодежных газет и журналов, центральных и областных издательств. Между тем едва ли в какой другой области литературы царят такая беззлобность и теоретическая путаница. Странно: чем больше внимания к этой литературе, тем больше вокруг нее споров, тем труднее понять, что она собой представляет, как отдельить в ней зерно от плевел и даже вообще — имеет ли она право на существование... Неразбериха, в которой переплетаются жалобы педагогов, растерянность библиотекарей, метания издателей между бухгалтерией и эстетикой, сбивчивые и противоречивые рецензии и писательские споры — все это в последнее время достигло предельного на-кала. Всесоюзное совещание по научно-фантастической и приключенческой литературе было создано Оргкомитетом Союза писателей РСФСР и московской писательской организацией как нельзя вовремя.

Три дня напряженной работы: большие доклады, обменные соклады, «распринесенные выступления», просто выступления. На трибунах — Соболев, Сытина, Тушкан, Брандис, Евгений, Линников, Томан, Ким, Шнейдер, Казанцев, Ермашев, Шпанов, Гребнев, Адамов, Успенский, Лагин, Бадгин, Немцов, Усыскин, Шагурина, Сартаков, представители ЦК комсомола, Дома детской книги, издателей и читателей. Споры, теоретические гипотезы, исторические экскурсии, анализа конкретных книг — старых, новых, зарубежных и даже еще не издаваемых. Три дня, которые должны были хорошо проходить, «перетягивались» обширное научно-фантастическое и приключенческое «хозяйство»...

Можно понять, почему на совещании многие споры и страсти сородочились вокруг проблем, которые, казалось, должны были бы разрешиться давно: давно в чем специфика этой литературы, каковы ее концепции? Если это было ясно, то, конечно, надо ответить на вопрос хоть тепер...

На совещании высказывались разные точки зрения, и в их столкновении рождалось многое, близкое к истине. Кремни, сшибаясь, высекают искру. Не будем придираться к форме кремней — важно ли, что один из них с трещинкой, а другой громоздок или чесучур заострен. Не будем детально останавливаться на позиции каждого из спорящих, благо материалы совещания предполагается издать отдельным сборником. Поговорим об искре, о тех мыслях, которыми она загля...

ХАРАКТЕРНАЯ деталь: в самый разгар работы совещания, когда было уже сказано многое и многое, вдруг поднялся один из писателей и недоуменно спросил: «Товарищи! Ну, а чем же все-таки приключенческая литература отличается от всякой другой? В чем ее особенности?» Вопрос этот показался наивным только тем, кто действительно присущий этикета...

В. Сытин, например, говорил, что особенностью научно-фантастической и приключенческой литературы является «обостренность сюжета и большая степень домысла, фантазии, чем в других произведениях», а также «исключительность ситуации». Но тут же совершенно справедливо возразил сам себе: «Те, которые думают, что это обстоятельство присуще только этим книгам, конечно, ошибаются! Конечно, ошибаются! Иначе к «приключенческой литературе» придется отнести девятьдесят известных произведений, зачислив сюда сюда (как, к примеру, этого потребовал на совещании Л. Линников) и «Хаджи-Мурат», и «Как закалилась сталь», и «Недели» Либединского, «На Востоке» Павленко, «Зеленый луч» Соболева, «Март — апрель» Коневиной, «Звезду» Казакевича, «Россия синие сыны» Никулина — и едва ли не «Войну и мир»!

Одни за других ораторы дополняют определение: помимо острого сюжета (который, как выясняется, не может быть монополией одной лишь приключенческой и научно-фантастической литературы), выдвигаются требования психологии, типизации героев, речевых характеристик, яркости бытовых деталей... Туман «специфика» тает на глазах. Оказывается, что этой литературе должно быть свойственно решительно все, что отличает большое искусство, и наоборот — ей, как и всему искусству, противопоказаны штампы, серость языка, «бесчеловечность» сюжета.

— Когда я слышу слова «специфика жанра», я вижу в этом обычновенную лазейку для хода от мастерства, — говорит Л. Соболев. Сказанные слова, которые рано или поздно должны были быть сказаны. С ними согласились многие участники совещания.

ПОПЫТАЕМСЯ теперь проследить закономерное развитие этой мысли. Если у такой литературы нет серьезных, принципиальных особенностей, которые выводили бы ее из общего ряда, если эти книги отличаются от других книг преимущественно тем, что их материал взят не из жизни крестьян или в рабочих, скажем, из жизни милиционеров или астронавтов, если, наконец, то же Лев Никулин решительно протестует против причисления своей книги к «приключениям».

ТРУДНО сейчас сказать о том конкретном, что принесет наше литературе. Всесоюзное совещание, — оно только закончилось, и пока самым ценным представляется тот требовательный, откровенный тон, которым говорилось про беды и нужды литературы о фантастическом и искусстве с жизнью народа.

— Сюжет приключенческого произведения, — делится своими мыслями А. Адамов, — надо строить таким образом, чтобы в него непосредственно входили конкретные, чрезвычайно важные проблемы, которыми живут люди сегодня.

— Издательства, выпускающие книги о путешествиях, прежде и больше всего интересуются переворотной зарубежной литературой, — замечает В. Пальман. — Но где же книга о нашей замечательной и богатой стране, о ее красотах, природе, ее людях, которые повстречались авторам, путешесвующим по Советской Отчине?

Создается впечатление, что наша фантастическая и приключенческая литература стремится способствовать неправильному, барскому, преображенческому отношению к труду некоторым молодежь. — подчеркивает А. Адамов. — Ведь главным условием успехов в этих книгах зачастую

являются с совещания по научно-фантастической и приключенческой литературе

оказывается не труд разведчика или ученого, а стечье обстоятельств.

— Мало у нас книг на международную тематику; мы еще далеки от того, чтобы ответить глубокой, правдивой и острой книге на каждую киеветническую книгу, какие в изобилии издаются в Западе, — с волнением говорит И. Ермашев.

— Слишком большое, неоправданно преувеличенное внимание мы уделяем приключенческой литературе, тогда как научная фантастика, при всех ее успехах, развивается с большими трудностями, — отвечает Е. Брандис.

— Критики и теоретики литературы должны, наконец, понять, что бесхозяйственность и теоретическая путаница в такой массовой литературе, как книга о приключениях и фантастическом, нетерпимы — такова общая мысль большинства выступавших.

Говорили об этом, наставили, требовали немедленного общественного вмешательства, хотя каждый знает, что об этом же, почти теми же словами говорилось уже раньше, на других совещаниях, в газетных и журнальных статьях, на читательских конференциях. Печально, но факт! Это движение мыслей по кругу будет продолжаться до тех пор, пока критики, издатели, руководители Союза писателей во всей полноте не оценит важности литературы, пока не будут окончательно снесены «жанровые» запруды и книжный поток этой литературы свободно не вольется в обще русло большого нашего искусства.

В. ЛИТvinov,

Д. СТАРИКОВ

ДРУЗЬЯ КИНО

Ростов — на — Дону.

(Наш корр.) «Совет друзей кино» это активисты, которые работают в ростовском широкомасштабном кинотеатре «Победа» установили прямые связи. Совет друзей — большую помощь в культурно-массовой работе с кинозрителинами.

Недавно вышел первый номер стенгазеты «Голос зрителя». Газета выходит на школьных членов совета — рабочие, студенты, журналисты, научные работники вузов. В первом номере опубликованы заметки: «Что мы хотим видеть на экране», «Всероссийский смотр культурно-просветительных учреждений», «Фестиваль социальных фильмов». Под заголовком «Наше слово о фильмах» помещены отзывы зрителей о трех картинах. Подборка «Скорые видимы» новые фильмы знакомят с программой театра на ближайшее время. В остальных заметках и карикатурах газета вспоминает нарушителей общественного порядка и спекулянтов билетами.

Кинотеатр «Победа» — один из лучших на Дону. В этом немалая заслуга и его активистов, объединенных в «Совет друзей».

Рис. К. РОТОВА

НОВЫЕ БАСНИ

Сергей МИХАЛКОВ

МУХА И ПЧЕЛА

Перелетев с помойки на цветок, Лентяя Муха Пчелику повстречала, —

Бахоботом своим цветочным сок

По малым долкам собирала...

— Летим со мной! — так, обратясь к Пчеле,

Сказала Муха, глазами вращая.

Я угошу тебя! Там в доме, на столе,

Остатки сладкие остались после чая:

На скатерти — варенье, в блудах — мед.

И все — за так! Все даром лежат в рот!..

— Нет! Это не по мне! — ответила Пчела.

— Тогда валия, трудись! — Лентяя прожужжала

И полетела в дом, где уж не раз была,

И там на линкую бумагу вдруг попала...

Не так ли панькины дочки и сыны,

Бездумы провода беспечные денеки,

Безделье выдают за некую отвагу

И в лености своей, от жизни далеки,

Сядится, вроде мух, на липкую бумагу!

СМЕЛОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

— Что делать нам с Лисой? Житья от Рыжей нет! —

Словами этими Индюк открыл Совет.

Все те, что кричат-куда-то на дворе,

Все скоро будут там... у Лисоньки в норе!

Кто хочет выступить? Какие есть суждения?

Как пронести злодейку, наконец!..

— Чтоб слышать издали лисицы приближение!

— Повесить ей на шею бубенец!

— Мы вовремя всегда успеваем разбежаться! —

Сказала Куряна, приняв серебряный вид.

Да! — согласился Гусь. — Да! Я за это, братцы!

Идея хороша! Как в этом не признаться!

Но кто из нас ее осуществит?!

— Ну, это уж технический вопрос! —

Ответил тот, кто предложил вис.

Я басню сочинил. Мораль ее проста:

Без практики, увы, теория пуста!

письма вопросам литературы, театра, изобразительного искусства.

Каким превосходным мастером критического рассказа и критического фельетона является «старейший наш критик К. Чуковский. Не всегда были верны его оценки и суждения. Но многие из его прежних работ вполне заслуживают творческого изучения.

Мало культивируется нашими критиками жанр памфleta. Трудно понять, почему этот жанр не упражнялся, например, на страницах журнала «Иностранная литература», где он мог бы сыграть свою боевую роль в обличении писателей-декадентов Запада, реакционных публицистов буржуазии, презервионистской челяди.

Критический портрет, критический плат, критический фельетон, лирическая публицистика на литературные темы — все эти жанры имеют свое боевое прошлое в русской литературе. Они связаны с именами Пушкина и Гоголя, Гончарова и Тургенева, Успенского и Короленко, Броварова и Блока, Горького и Маяковского. Наша классика неслучайно избрала столь разные жанры критического разоблачения. Ни одна из наших публицистических традиций не имела ничего общего с «критикой» заштатской, с «критикой» оглобинской. Грубые оскорблении, ернический стиль, извращение субъективистских настроений, решительно чуждые ответственной в своих суждениях боевой литературной критике?

Да, критика должна быть публицистичной. Она должна бороться против отрицательных явлений в жизни, в искусстве, в литературе и самой критике, в последнем случае — против пассивности читателя. Критик прибегает к новому необычайно сальто-мортале логики: «Тем сильнее, — заявляет он, — проступают в нем чисто мещановские черты». Далее В. Архипов делает еще одно, так сказать, «метадраматическое» оговорку: не научно-дело полное уподобление «я» повествователя тоже вспоминает автора и его героя. Но у читателя создается впечатление, что В. Архипов всем ходом своих рассуждений о «Боярниках» и «Мечке» делает еще одну, так сказать, «метадраматическую» оговорку: не научно-дело полное уподобление «я» повествователя.

Критик должен быть публицистичной. Она должна бороться против отрицательных явлений в жизни, в искусстве, в литературе и самой критике, в последнем случае — против пассивности читателя. Критик прибегает к новому необычайно сальто-мортале логики: «Тем сильнее, — заявляет он, — проступают в нем чисто мещановские черты». Далее В. Архипов делает еще одно, так сказать, «метадраматическое» оговорку: не научно-дело полное уподобление «я» повествователя.

Критик должна быть публицистичной. Она должна бороться против отрицательных явлений в жизни, в искусстве, в литературе и самой критике, в последнем случае — против пассивности читателя. Критик прибегает к новому необычайно сальто-мортале логики: «Тем сильнее, — заявляет он, — проступают в нем чисто мещановские черты». Далее В. Архипов делает еще одно, так сказать, «метадраматическое» оговорку: не научно-дело полное уподобление «я» повествователя.

Критик должна быть публицистичной. Она должна бороться против отрицательных явлений в жизни, в искусстве, в литературе и самой критике, в последнем случае — против пассивности читателя. Критик прибегает к новому необычайно сальто-мортале логики: «Тем сильнее, — заявляет он, — проступают в нем чисто мещановские черты». Далее В. Архипов делает еще одно, так сказать, «метадраматическое» оговорку: не научно-дело полное уподобление «я» повествователя.

Критик должна быть публицистичной. Она должна бороться против отрицательных явлений в жизни, в искусстве, в литературе и самой критике, в последнем случае — против пассивности читателя. Критик прибегает к новому необычайно сальто-мортале логики: «Тем сильнее, — заявляет он, — проступают в нем чисто мещановские черты». Далее В. Архипов делает еще одно, так сказать, «метадраматическое» оговорку: не научно-дело полное уподобление «я» повествователя.

Критик должна быть публицистичной. Она должна бороться против отрицательных явлений в жизни, в искусстве, в литературе и самой критике, в последнем случае — против пассивности читателя. Критик прибегает к новому необычайно сальто-мортале логики: «Тем сильнее, — заявляет он, — проступают в нем чисто мещановские черты». Далее В. Архипов делает еще одно, так сказать, «метадраматическое» оговорку: не научно-дело полное уподобление «я» повествователя.

Критик должна быть публицистичной. Она должна бороться против отрицательных явлений в жизни, в искусстве, в литературе и самой критике, в последнем случае — против пассивности читателя. Критик прибегает к новому необычайно сальто-мортале логики: «Тем сильнее, — заявляет он, — проступают в нем чисто мещановские черты». Далее В. Архипов делает еще одно, так сказать, «метадраматическое» оговорку: не научно-дело полное уподобление «я» повествователя.

Критик должна быть публицистичной.

